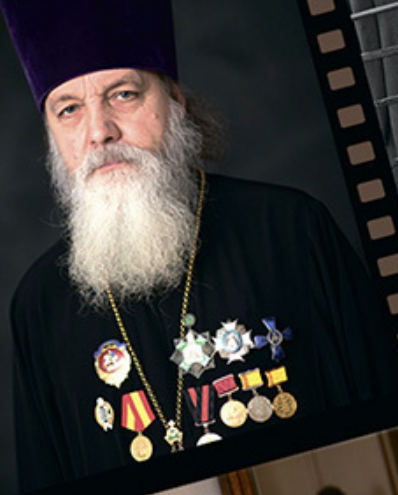
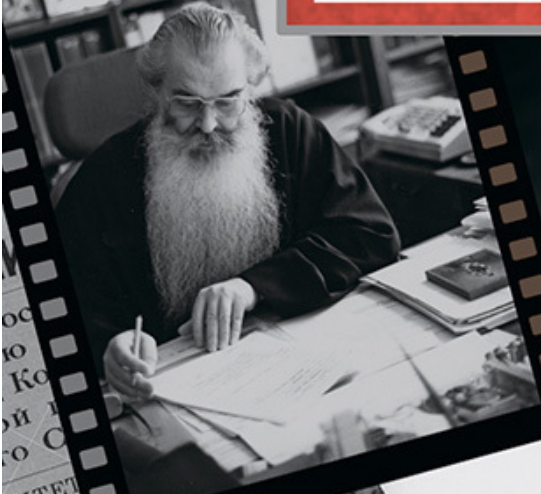
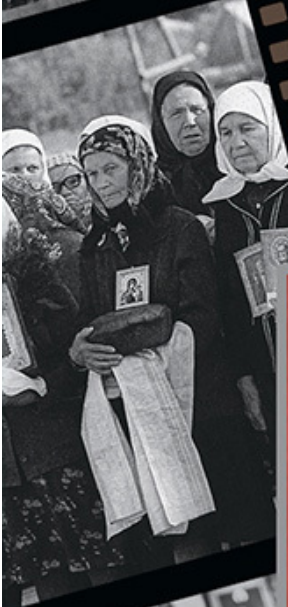

**ПРАВОСЛАВНЫЕ
ХРИСТИАНЕ
В СССР**

ГОЛОСА СВИДЕТЕЛЕЙ

Православные христиане в СССР. Голоса свидетелей

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 271.22(470+571)-726.6(091)
ББК 86.372.24-3

Православные христиане в СССР. Голоса свидетелей /
«Издательство Сретенского Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1436-9

Люди, чьи голоса звучат в этой книге, прожили долгую и прекрасную жизнь. Это живые свидетели, которые помнят Великую Отечественную войну, голод и разруху, гонения на Церковь, помнят наши поражения и победы, возрождение послевоенной России, подвиги мучеников и исповедников православной веры, а также возрождение православия в нашей стране в конце 80-х — начале 90-х годов. На страницах этой книги оживает прошлое, предстают многие драгоценные подробности жизни верующих и раскрывается таинственный и чудесный Промысл Божий, действующий в человеческих судьбах. Для широкого круга читателей.

УДК 271.22(470+571)-726.6(091)

ББК 86.372.24-3

ISBN 978-5-7533-1436-9

, 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Предисловие	7
Часть I. Воспоминания священнослужителей и монашествующих	8
Каждый в нашей семье был готов на страдания и смерть за Христа	9
В нашем роду несколько новомучеников и исповедников	9
Строго выверенная православная позиция	10
Все время в тревоге за мужа и заботе о пропитании детей	11
Наш отец страдает за Христа, и мы должны не горевать, а радоваться	12
Возрадуйтесь в той день и възгравите!	12
Вы – только орудие в руках Божиих	12
Дай куличика!	13
Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми	13
Мне особенно нравится его «Свете тихий»	13
Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли с прихода на приход	13
Статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе	14
Времена все-таки изменились	14
Перед повышением в должности ему предложили вступить в партию	15
Маленькая исповедница	15
Мы в школе вовсе не были изгоями	16
Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу	17
Там же, где и вы!	17
Все справочники перероеет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет	17
В нашей семье есть интересные параллели	17
Сереза вступить в комсомол отказался – и его сразу отправили на фронт	18
Радость Серези оттого, что он подарил нечаянную радость другим	18
Главный бухгалтер потребовала от директора на место Сони трех человек	19
Ее чтение и пение были долгие годы украшением службы	20
Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!	20
Постничество Сони	20
Теперь о себе	20
Как ослабели руки безбожной власти	21
В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!	21
Интересные у вас родственники!	22
Мне хотелось разобраться с теорией относительности	22
Этот – нашего рода	22
Тот был протоиерей, а мой отец – просто иерей	23
Нужны заповеди Божии и Божия благодать	23
А сам-то ты верующий? – Конечно!	23
Стояние Зои	24

Батюшка меня, незнакомца, назвал по имени	24
Как к родному отцу	24
Тебя ждут, но ты ничего не бойся!	25
Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы	25
У нас же откровение помыслов!	25
Мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие	25
Как мои дети проводили миссионерскую работу в школе	26
Если сравнивать прошедшие времена с нынешними	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Православные христиане в СССР: Голоса свидетелей

© Рожнева О. Л., сост., 2018

© Сретенский монастырь, 2018

Предисловие

Люди, чьи живые голоса звучат в этой книге, прожили долгую и прекрасную жизнь. Семинаристы Сретенской духовной семинарии, по благословению наместника Сретенского монастыря епископа Егорьевского Тихона (Шевкунова), проделали огромный и уникальный труд, опросив десятки людей, родившихся в первой и второй половине XX века, – тех, кто помнит Великую Отечественную войну, голод и разруху, помнит наши победы и поражения, гонения на Церковь, возрождение послевоенной России, подвиги мучеников и исповедников православной веры, а также возрождение православия в конце 80-х – начале 90-х годов.

В этих воспоминаниях интересно все: и бытовая, и духовная, и церковная жизнь простых людей и священнослужителей того времени. Люди рассказывали то, о чем нельзя прочитать в справочниках и учебниках истории, а можно узнать только от живых свидетелей прошлого. Интересны описанные ими жизненные ситуации, в которых проявлялись лучшие человеческие качества: доброта, жертвенность, терпение, смирение и любовь.

На страницах этой книги оживает прошлое и раскрывается таинственный и чудесный Промысл Божий, действующий в человеческих судьбах.

Часть I. Воспоминания священнослужителей и монашествующих

Каждый в нашей семье был готов на страдания и смерть за Христа

Рассказывает протоиерей Владимир Правдолюбов, почетный настоятель храма святителя Николая в городе Касимове Рязанской области

В нашем роду несколько новомучеников и исповедников

Я родился в 1931 году в православной семье. В нашем роду несколько новомучеников и исповедников. Мой папа, протоиерей Сергей Правдолюбов, был прославлен как исповедник. Кроме него, на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года прославлены замученные в 1937 году его отец, мой дедушка, протоиерей Анатолий Правдолюбов, дядя со стороны матери протоиерей Михаил Дмитриев и двоюродный брат матери чтец (и воин) Евгений Федорович Дмитриев.

До моего рождения отец уже дважды или, кажется, трижды был арестован (трудовое ополчение в 1918 году, скорее всего, начиналось с ареста). Три раза жизнь его подвергалась смертельной опасности. Я был шестым и последним ребенком в семье, в которой каждый был готов на лишения, страдания и смерть за Христа. В этом смысле наша семья являлась островком единомышленников, что очень облегчало жизнь.

Из раннего детства приведу два случая, о которых мне известно по рассказам старших. Жили мы бедно, и однажды моя пятилетняя сестра София очень усердно просила у мамы сладенького. И вот мама сказала Соне: «А ты помолись Богу, чтобы Он дал тебе сладенького». И сестра поставила меня, годовалого, на табурет, залезла на этот же табурет сама, и мы стали молиться Богу. Уже в старости она с улыбкой поясняла: «На табурет встали, наверное, чтобы быть ближе к Богу». И вскоре после нашей молитвы пришла женщина и сказала: «Я давно хотела вашим детям принести сахарку, да вот только сейчас выбралась»¹. Так мы с Соней получили, что просили.

И второй эпизод. Летом 1935 года папу арестовали. Водили из тюрьмы в милицию на допрос мимо наших окон. И я кричал в окно: «Папа, куда ты? Папа, иди домой!» Все взрослые обливались слезами.

¹ Будучи взрослым, я сопоставил этот рассказ с рассказом Льва Толстого, как они с братом молились Богу, чтобы снег сделался сахаром. Выбегали, пробовали – снег оставался снегом.

Вид на Касимов со стороны реки

Еще один эпизод моего раннего детства (его тоже сам не помню, знаю только по рассказам). Монахини, несшие у нас клиросное послушание, поставили меня на табурет на клиросе, чтобы я читал шестопсалмие. Я читал довольно успешно, но в какой-то момент замолчал, и у меня полились слезы. Одна монахиня продолжила чтение, а меня сняли с табурета и посадили на скамеечку – отдыхать.

Строго выверенная православная позиция

В Касимове было дружное духовенство. Оно особенно сплотилось во времена революции и коллективизации. И душой этого братства был мой отец – протоиерей Сергей. Он хорошо проповедовал, и его проповеди брали священники других приходов и прочитывали у себя. С этим связано одно происшествие.

Правда, ему предшествовала большая беда: рязанское духовенство во главе с архиереем перешло в обновленцы. Святейший Патриарх Тихон их запретил и поставил в Рязань очень энергичного владыку Бориса (Соколова). Этот владыка, вооруженный негодованием против духовенства, сказал в Касимове с амвона: «Ваши попы только себе карманы набить стараются! Объясняли они вам литургию?» Из народа возглас: «Объясняли, владыка!»

А дело было так: отец Сергей в своем Троицком храме произнес цикл проповедей с объяснением литургии. Батюшки, с разрешения отца Сергея, прочитали в своих храмах этот цикл проповедей как раз перед приездом владыки. И вообще, священники старались вместе выработать правильное отношение к реалиям того времени, причем слово отца Сергея часто было решающим.

Перед духовенством стояли, кроме прочих, две проблемы. Первая: как относиться ко вновь возникшим обществам – партии, комсомолу, профсоюзам, колхозам. Вторая: как относиться к митрополиту Сергию (Страгородскому) и его действиям. То, что у нас после Декларации 1927 года не было «непоминающих», – во многом заслуга отца Сергея.

Еще святитель Тихон в своих посланиях умолял верующих не заражаться злобой властителей, ненавидящих Церковь. А позиция Святейшего Сергия (Страгородского) (будучи строго православными, мы должны быть верными гражданами нашей страны: ее радости должны быть нашими радостями, а ее печали – нашими печальями) – вовсе не «недопустимый компромисс», а строго выверенная православная позиция, которая показала всю свою силу в годы Великой Отечественной войны.

Отец Сергий особенно подчеркивал то, что апостолы заповедали подчинение властям не за страх, а за совесть в то время, когда во главе государства стояли такие гонители христиан, как Нерон. И любил ссылаться на Первое послание апостола Петра: «огненное искушение», о котором в нем говорится, было сжиганием христиан на кострах, особенно красочно изображенным в романе Сенкевича «Камо грядеши».

Цитируя слова апостола: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4, 15–16), отец Сергий особенно подчеркивал слова «посягающий на чужое», относя их к любому противлению власти. Велит власть: «Отрекись от Христа!» – по примеру древних говори: «Не могу». – «Посадим!» – покорно, без всякого протеста иди в тюрьму. Так наше духовенство сохранило свое единство вокруг патриарха Сергия. Так был решен этот трудный для многих вопрос.

Следствием такого отношения к властям было решение и первого вопроса. Если членство в организации влечет за собой отречение от Бога (партия, комсомол – добавлю от себя – пионеры, октябрята), в таких организациях быть членами нельзя, какие бы лишения и муки ни грозили за неучастие.

Если же от тебя прямого отречения от Бога не требуется (профсоюзы, колхозы), то в такие организации вступать не только можно, но если это требование властей, то и должно. А на лозунги типа «Профсоюзы – школа коммунизма» или «Нам не нужен Христос, а нам нужен колхоз» можно не обращать внимания (конечно, при этом самому их произносить не следует). Такая позиция актуальна и в наши дни, достаточно вспомнить смуту по поводу ИНН.

Все время в тревоге за мужа и заботе о пропитании детей

Моя мама Лидия, дочь касимовского протоиерея Димитрия Федотьева, прожила очень трудную жизнь: постоянно в тревоге за мужа, а во время его тюремных заключений – в заботе о пропитании детей. Когда в 1935 году арестовали отца Сергия и их старшего сына Анатолия, ее никуда не брали на работу, так что некоторое время, недолгое, мы жили подаяннем. Одна начальница пожалела маму, взяла ее на сетевязальную фабрику чинить сети, так эту начальницу чуть не сняли и сильно ругали. Дело ограничилось выговором².

Во время войны, не считая, конечно, общего горя, нам стало легче жить. Поскольку голодали все, власти стали горожанам выделять во временное пользование земельные участки. Нам досталось десять соток в заливных лугах за рекой. И хотя пришлось попотеть, поднимая лопатой целину, мы стали досыта есть картошку, которая восполняла нам недостаток хлеба и других продуктов. Так жили в войну все – и мы сравнялись со всеми.

² Подобная ситуация сложилась и у меня. В хрущевские времена мне провели телефон, а потом отрезали. И вот мне встречается человек, который говорит: «Батюшка, а меня ведь за ваш телефон с работы сняли!» Я очень огорчился. Увидев это, он добавил: «Да вы не волнуйтесь, я рад, что не начальник. Поступил на Приборный завод рабочим, получаю больше, а забот куда меньше – отработал смену и свободен как птичка!»

Наш отец страдает за Христа, и мы должны не горевать, а радоваться

Если говорить о Промысле Божиим, то главным чудесным его проявлением в нашей семье считаю то, что мы не умерли с голоду, когда наши были в ссылке. Как любил повторять папа: «Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне» (Пс. 22, 5). В этом большая заслуга мамы, ее молитвы и труда.

Когда арестовали отца Сергия, мне было четыре года, а когда он вернулся, мне исполнилось девять лет. В дальнейшем был еще арест, а потом мобилизация на трудовой фронт. Так что воспитывала меня в основном мать. И главное, что она внушала нам, – что наш отец страдает за Христа и мы должны не горевать, а радоваться: если приходится что-то терпеть, то мы становимся соучастниками его подвига. Воцерковленность всей семьи и участие в богослужениях тоже были заслугой мамы и мощным воспитательным фактором.

В семье, где я был младшим, кроме меня было три брата (еще один умер в революцию в двухлетнем возрасте) и две сестры. Хочется что-то сказать о каждом.

Возрадуйтесь в той день и взиграйте!

Старший мой брат – Анатолий, 1914 года рождения. Окончил семилетнюю школу, обязательную по Всеобучу (всеобщему военному обучению), дальше учиться ему не дали, так как наша семья была лишена многих прав («лишенцы»), в частности, на продолжение обучения после обязательного минимума. Анатолий поступил псаломщиком к деду – протоиерею Анатолию Правдолюбову³. Служил псаломщиком до ареста в 1935 году.

Также брат частным образом занимался музыкой и по рекомендации земляка, композитора Александра Оленина, держал приемные испытания в музыкальное учебное заведение в Москве. По заданию профессора по композиции сочинил несколько фортепианных пьес, одна из которых понравилась профессору, и вопрос о поступлении был решен. Поступление должно было состояться осенью 1935 года.

Вместо этого летом того же года последовал арест и пять лет ссылки. Провожая внука в ссылку, протоиерей Анатолий напутствовал его такими словами: «Помни, Анатолий! “Возрадуйтесь в той день и взиграйте!” (Лк. 6, 23)».

Два с небольшим года мой брат провел на Соловках, и оставшийся срок – на лесоповале на Медвежьей горе (севернее Онежского озера). Перу Анатолия принадлежат изданные его детьми краткие «Соловецкие рассказы». Их особенностью является отсутствие осуждения властей, чем наполнены сочинения Солженицына и других «сидельцев».

Вы – только орудие в руках Божиих

В 1941 году мой брат был мобилизован, в 1944-м – ранен и стал инвалидом. Хочется вспомнить три эпизода его пребывания в армии.

Первый связан с вызовом к замполиту, который задал вопрос: «Как ты можешь защищать советскую власть, ведь она тебя так обидела?» Анатолий ответил: «Я верующий человек, верю, что все совершается по воле Божией, в том числе и моя ссылка. Вы – только орудие в руках Божиих. На Бога я обижаться не могу, не обижаюсь и на вас. Буду воевать не за страх, а за совесть».

³ Прославлен как священномученик. Память 10/23 декабря.

Дай куличика!

Второй эпизод. Пасхальная ночь. Анатолий сохранил субботний хлебный паек и над ним ночью в укромном месте прочитал Пасхальный канон и стихиры (как бывший псаломщик, он знал пасхальную службу наизусть). Оказывается, солдаты за ним следили, и когда он хотел съесть этот свой хлеб, они подошли и попросили: «Дай куличика!» – а потом каждый дал ему кусочек от своего хлеба, чтобы он не остался голодным.

Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми

Третий эпизод. На пушкинские места наступали без артподготовки, чтобы спасти их от разрушений. Конечно, в этом своем «культурном» акте наша армия понесла неоправданные потери. Перед страшным боем комсорг подразделения обратился к Анатолию с такими словами: «Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми». Несколько удивившись, брат согласился.

Из боя вышли живыми, комсорга ранили в ногу, а Анатолию разрывной пулей раздробило кость левой руки на уровне сердца.

Мне особенно нравится его «Свете тихий»

После долгого лечения в госпиталях брат вернулся домой, работал в конторе ликеро-водочного завода и одновременно помогал не слишком квалифицированным регентам правого хора единственной тогда в городе Никольской церкви. Он был одарен как музыкант и, хотя не получил систематического музыкального образования, писал духовную музыку.

Мне особенно нравится песнопение «Свете тихий», которое возникло в сознании Анатолия и много раз утешало его на Соловках, а записано было после возвращения из ссылки. Он занимался гармонизацией песнопений знаменного распева, особенно удачно получилось песнопение «Милость мира» из литургии Василия Великого.

Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли с прихода на приход

Женился брат еще до армии, и когда у нас в Рязани появился энергичный архиерей Иероним (Захаров), летом 1947-го Анатолий был рукоположен в диакона, а осенью того же года – в священника. Он прослужил в этом сане до своей кончины в 1981-м.

Отец Анатолий оставил после себя семерых детей (еще один ребенок – дочь, которая родилась второй, – умер в младенчестве) и двадцать три внука. Число правнуков трудно поддается учету, так как быстро растет.

Отец Владимир Правдолюбов с сыновьями и внуком. 18 мая 2013 г.

Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли по епархии с прихода на приход, правда, в отличие от отца Иоанна, по городам: Спасск, Михайлов, Скопин и вновь Спасск.

Статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе

Из Спасска власти потребовали удалить его в село, и вот по какому случаю. С ним переписывались две его прихожанки – студентки-отличницы пятого курса Рязанского медицинского института имени Павлова. И вдруг в рязанской комсомольской газете кто-то опубликовал перехваченное у них письмо, сопроводив его злобными комментариями.

Начиналась статья так: «Здравствуйте, дорогие отец Анатолий, матушка Ольга Михайловна, Леночка, Ксенечка, Лидочка, Сереженька, Машенька, Серафимчик и Феденька!» Маленький Миша очень огорчился, что в газете его назвали Машенькой.

Эта статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе. Во-первых, противозаконная публикация выкраденного письма. Во-вторых, студентки-пятикурсницы, отличницы, активистки, к тому же медики (в советское время почему-то считалось, что медики – по роду занятий уже атеисты), – и при этом верующие! Да еще такие замечательные, теплые письма пишут своему батюшке.

Времена все-таки изменились

Отец Анатолий ожидал ареста, но времена все-таки изменились. Вместо репрессий последовала серия атеистических статей, которые к тому времени уже никто не читал⁴. В дело

⁴ Из более позднего времени: у нас на фабрике «Красный текстильщик» поручили одному коммунисту прочитать атеистическую лекцию. Он поработал основательно – лекция понравилась, и ему пришлось ее повторить во многих аудиториях.

вступила главная областная газета. В ней появился гадкий фельетон. Вот фраза из него: «Говорят, отец Анатолий между ранней и поздней обедней ходит в сторожку пить чай. Да и один ли только чай!» Попробуй опровергни! «Вы меня подозреваете в пьянстве». – «Ничего подобного! Только предполагаем, что кроме чая вы пьете, например, клюквенный морс или еще что-нибудь».

Дальше последовали статьи с обвинениями и клеветой. После этого власти потребовали убрать отца Анатолия из Спасска в какое-нибудь село. Владыка предложил ему несколько сел (священников было мало, не все приходы их имели). Брат выбрал село Маккавеево (оно срослось с поселком Сынтул, так что его назначили в Сынтул).

В этом селе служили когда-то наш прапрадед и его зять – наш прадед. До отца Анатолия там многие годы служил ревностный батюшка – родной дядя супруги отца Анатолия, матушки Ольги Михайловны, протоиерей Феодор Дмитрев, брат священномученика⁵ и отец мученика⁶. Так что на этом фоне активность отца Анатолия была не так заметна, и он прослужил в Сынтуле до своей кончины. Там и похоронен недалеко от отца Феодора.

Перед повышением в должности ему предложили вступить в партию

Следующий за Анатолием мой брат Владимир скончался в двухлетнем возрасте. За ним, в 1919 году, родился Виктор. О нем я знаю немного. Окончив семилетку, он как лишенец год был без дела. Но вышла Сталинская конституция 1936 года, уравнивавшая (хотя бы формально) всех в правах, – и он поступил в Касимовский индустриальный техникум (КИТ). Говорят, что архимандрит Кирилл (Павлов) тоже когда-то учился в этом техникуме. Помню еще, что в техникуме брат играл в духовом оркестре.

Окончив КИТ в 1941 году, Виктор был отправлен в Куйбышевскую (теперь Самарскую) область. В начале войны успешно справился с военным заказом, и перед повышением в должности ему предложили вступить в партию. Он отказался. С него сняли «бронь» (так в войну в народе называли документ, по которому ценных работников не брали в армию). В январе 1943-го он был ранен в живот и на третий день скончался.

Перед его кончиной папа видел такой сон. Виктор под аккомпанемент духового оркестра поет «Ныне отпускаеши» Строкина. Этот сон подготовил нашу семью к горестному испытанию.

Маленькая исповедница

Следующим ребенком в нашей семье была моя сестра Вера. Она родилась в 1922 году. Ее жизнь мне известна гораздо подробнее. Она за годы учебы – десять лет в школе и четыре года в КИТе (нашем техникуме) – получала всегда высшие оценки. Если не ошибаюсь, на «отлично» учился и Анатолий, поэтому родители и вообще старшие горевали особенно, что ему не пришлось учиться нигде, кроме семилетки.

В целом дети из религиозных семей, насколько я могу судить, были гораздо более развиты, чем их сверстники. Думаю, здесь сказывались три фактора. Первый – правильное мировоззрение. Ведь даже осмысленное знание Символа веры давало большое преимущество перед теми, кто его не знал.

Потом его вызвали в горком и сказали: «Вы читаете вашу лекцию перед неверующими. Мы вам соберем верующих – прочитайте перед ними!» – «Я еще с ума не сошел!» – ответил тот и наотрез отказался.

⁵ Протоиерей Михаил, память 19 ноября / 2 декабря.

⁶ Чтец Евгений, умученный на армейской службе, память 18/31 августа.

Второй – чтение Священного Писания и участие в богослужениях, повышающее четкость мысли, культуру речи, чтения и пения, не говоря уже о высоких переживаниях, например, пасхальных или великопостных.

Третий фактор – столкновение мировоззрений, заставляющее работать ум и напрягать волю в исповедничестве. Так, маленькой Вере в начальной школе пришлось пережить следующий эпизод. Ее заставляли написать какую-то антирелигиозную фразу, помнится: «Религия – опиум для народа». Она сказала: «Не буду!» Учительница довела девочку до слез, но кроме этих слов ничего не добила. Начавшись утром, происшествие продолжилось до ночи. Участвовало в нем последовательно школьное руководство. Были оповещены и вызваны в школу и какие-то городские начальники, но ни уговоры, ни угрозы не подействовали. Без еды, без воды, в слезах кроха выдержала этот нажим и только ночью была отпущена. Хорошо еще, что дом деда, в котором мы тогда жили, находился в двух шагах от школы.

Уже в средней школе один из учителей любил говорить, глядя чаще всего на Веру: «В верующем мне видится что-то отвратительное, вроде безобразной жабы».

Мы в школе вовсе не были изгоями

Несмотря на это, мы в школе вовсе не были изгоями. Во-первых, потому, что давление на нас совершалось людьми, от которых это требовалось их официальным положением, а основная масса учеников и даже учителей относилась к верующим с уважением за их принципиальность. Некоторые были тайными христианами или колебались, чувствуя, что в официальном мировоззрении что-то не так.

Во-вторых, мы не кичились своими успехами в учебе, но с готовностью помогали разобраться с непонятным материалом всем, кто в этом нуждался.

В-третьих, мы жили в соответствии с принципом: не враждовать с теми, кто с нами враждует. Мы были активными участниками всех мероприятий, кроме антирелигиозных или предпринимавших в насыщенное священными воспоминаниями и богослужениями время.

Касимов, ул. Большая, вид на Вознесенский собор

В общеобразовательной школе такое уклонение от участия в мероприятиях особых протестов не вызывало. А вот в школах дополнительного образования – даже гораздо позднее – поступали жестче. Так, за неучастие в концерте в Великую Пятницу исключили из Касимовской музыкальной школы двух детей протоиерея Анатолия. Затем за пропуск занятий во время всенощной под Благовещение, под Вербное воскресенье и в Великую Субботу (Благовещение тогда случилось в воскресенье) исключили из той же школы двух моих детей. Правда, и тех и других примерно через год пригласили обратно. Но вернулись только по одному из каждой семьи.

Несмотря на некоторые неприятные случаи, мы в школе чувствовали себя неплохо. Учителям нравились наши успехи и поведение; с учениками сложились вполне товарищеские отношения, даже какое-то уважение с их стороны было. Свидетельство об окончании школы Вера получила под звуки туша, исполняемого духовым оркестром (я при сем присутствовал).

Бывший одноклассник Веры, когда-то озорник Леша Петропавлов, был награжден званием Героя Советского Союза за взятие Киева. Когда он приехал в Касимов, то поделиться своей радостью о «Золотой Звезде» первым делом пришел именно в нашу семью.

Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу

После окончания техникума, проработав некоторое время на севере Костромской области, Вера вернулась в Касимов, поступила нормировщицей на шубзавод (он за время ее работы несколько раз поменял свой статус и название) и трудилась там до пенсии.

Из времени ее работы на заводе приведу три факта. Когда после смерти Сталина Хрущев устроил судилище над ним (хотя сам был участником и в какой-то мере организатором всех беззаконий, творившихся в те годы), на заводе – как и повсюду – было собрание, где возмущались жестокостями сталинских времен. Вера молчала. Ее укорили: «Что же ты молчишь? Ведь вы больше всех от него пострадали». Она ответила: «Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу».

Там же, где и вы!

Второй разговор. Коммунистке, у которой недавно умерла мать, Вера сказала: «Мы, верующие, хотя и скорбим о наших умерших, но не безнадежно – надеемся увидеться с ними. Вы-то где себе утешение можете найти?» Та отрезала: «Там же, где и вы!» Дома Вера притворно возмущалась: «Вот хитрые коммунисты! Прежде нас в Царство Небесное скачут!»

Все справочники перероеет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет

В-третьих, хочется привести отзыв о сестре одного рабочего. Смысл таков: «Веру Сергеевну обмануть мы не пытались – сразу обнаружит приписку. А попросишь: “Вера Сергеевна, нужда заела, мало зарабатываю!” – все справочники перероеет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет».

В нашей семье есть интересные параллели

Вторая половина жизни Веры – да и работа тоже – осложнялись прогрессирующей глухотой, которая не помешала ей дотянуть до пенсии. В дальнейшем нам пришлось общаться

с ней при помощи записочек. Очень мешала глухота на службах в церкви. Хорошо еще, что она знала порядок службы и даже Устав. Видя, за какую книгу берутся на клиросе, она догадывалась, какого характера песнопения или чтения в данный момент звучат. Впоследствии она стала брать в храм богослужебные книги и по ним следила за службой.

Когда моя младшая дочь научилась читать, – а это случилось в очень раннем возрасте – она стала пристраиваться к тете Вере и вместе с ней следить за службами по текстам. Это впоследствии очень помогло ей в регентстве.

Примерно за одиннадцать лет до кончины у Веры случился перелом шейки бедра, и оставшиеся ей годы она провела в постели. Последние семь лет за ней ухаживала старшая дочь отца Анатолия и ее крестница Елена, тоже не вышедшая замуж.

В нашей семье есть интересные параллели. Две дочери священномученика протоиерея Анатолия остались девушками. То же произошло в семье исповедника Сергия: обе его дочери – девственницы. И еще раз это произошло в третьем поколении: у сына исповедника Сергия, протоиерея Анатолия, только одна дочь вышла замуж и стала родоначальницей большого семейства, две же другие дочери замуж не вышли. И одна из них, Елена, ухаживала за Верой до ее кончины в 2014 году.

Сереза вступить в комсомол отказался – и его сразу отправили на фронт

В 1925 году родился мой брат Сергей. Он был или менее способным, или менее усердным в учебе и после седьмого класса поступил в Касимовский ОСВОД (Общество спасания на водах). Окончив курсы легких водолазов, работал инструктором водолазного дела в ОСВОДе до восемнадцати лет.

В начале 1943 года его со многими касимовцами мобилизовали, отправили в город Горький (Нижний Новгород) на курсы пулеметчиков, и после их окончания ему и другим успешным выпускникам было предложено вступить в комсомол.

Тех, кто вступил, отправили на офицерские курсы, и на фронт они попали только в самом конце войны. Сереза вступить в комсомол отказался – и его сразу отослали на фронт, где он 1 октября 1943 года, не успев вступить в бой, еще на марше был убит.

Перед его кончиной папа тоже видел сон. Комната, разделенная длинным столом на две части. Одна половина ярко освещена и нарядна – в ней за столом сидит погибший на фронте Виктор в новенькой военной форме, подтянутый, парадный. Напротив него, в неряшливой половине, понурые и печальные сидим мы с Анатолием. Вдруг отворяется дверь, входит Сергей – тоже в новенькой форме! – и садится рядом с Виктором. И мы после этого сна стали ждать извещения.

Радость Серези оттого, что он подарил нечаянную радость другим

Хочется вспомнить эпизод из моего детства (Сереза тогда был подростком). Не знаю, по какому случаю, но у нас оказались две буханки черного хлеба. Одну мама оставила нам, а другую дала Серезе со словами: «Отнеси Лебедевым». Лебедевы – многодетная семья ссыльного священника, – хотя, в отличие от нас, и жили в своем довольно обширном доме, нуждались больше нас.

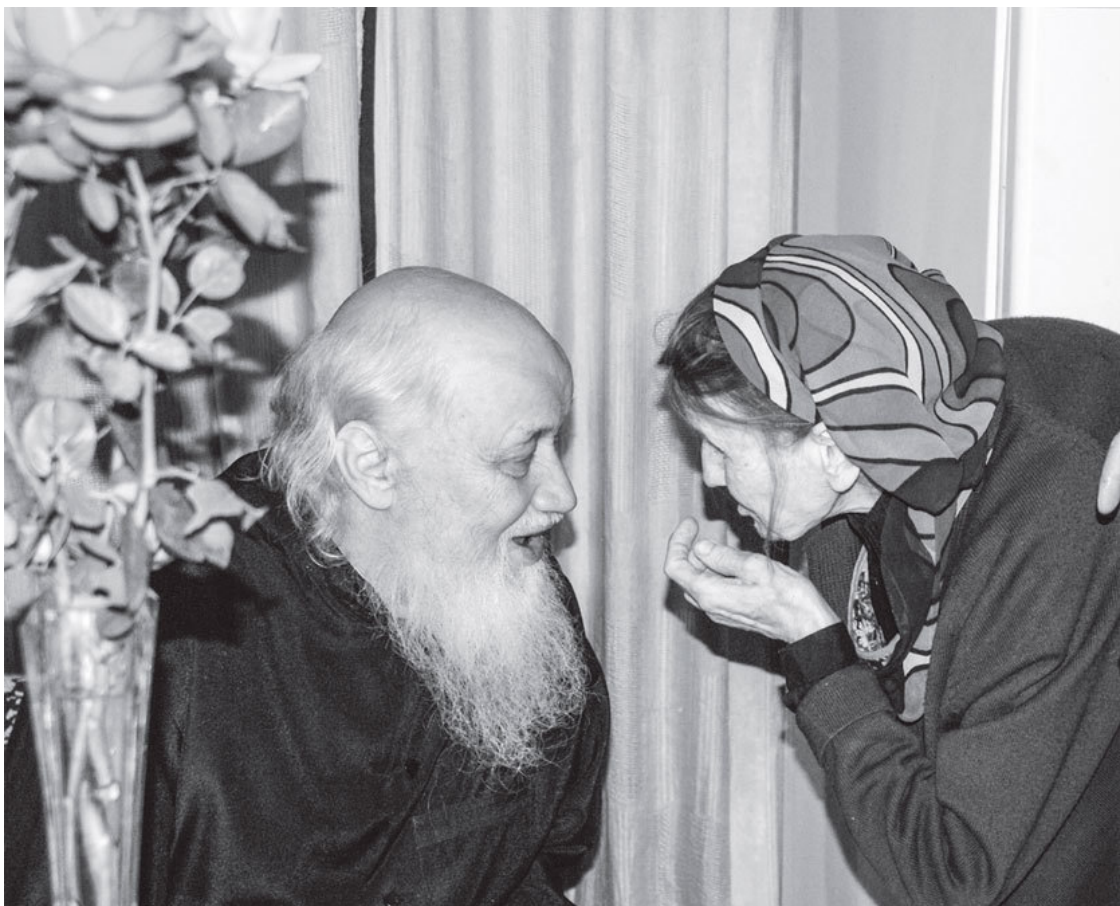
И Сергей задумал и осуществил авантюрный план. Выследил, когда в их зале никого не было, пробрался туда и положил в центре стола буханку хлеба. Потом (было уже темно) пристроился снаружи у окна и стал ждать, что будет. Вскоре в зале появился малыш, увидел буханку и побежал вглубь дома. И тут же вся семья собралась около этой буханки. В диком

восторге Сережа прибежал домой и, рассказывая о происшествии, выделывал этикие коленца, не зная, как выразить свой восторг.

Ребенком я приписывал этот восторг удаче авантюры – мне, книгочею, она была не по силам, – но после понял, что радость Сережи произошла оттого, что он подарил нечаянную радость другим.

Главный бухгалтер потребовала от директора на место Сони трех человек

Моя сестра София родилась в 1927 году. Это она выпросила у Бога сахарку. Училась она ровно и хорошо, но без того блеска и интереса, которые были у Веры. После семилетки пошла в КИТ (наш индустриальный техникум), когда там уже училась Вера. По окончании поработала где-то на севере – то ли в Костромской, то ли в Вологодской области, а потом до пенсии – в бухгалтерии уютного завода, тоже менявшего и ведомства, и наименования.

Отец Владимир с сестрой Софией Сергеевной

Из этого времени приведу восторженные слова одного инженера: «Соня, если бы ты была комсомолкой, ты была бы настоящей комсомолкой!» Очень характерная фраза. Кротость, ответственность и основательность (ей приходилось брать работу домой, где ей помогали и мать, и сестра) отличали ее. После ее ухода на пенсию главный бухгалтер потребовала от директора на ее место трех человек, на что директор отозвался: «И не стыдно было так эксплуатировать человека?» Кажется, в конечном счете согласились на двух.

Ее чтение и пение были долгие годы украшением службы

У Сони был хороший голос – ровный, наполненный альт, «голос канонарха», так что ее чтение и пение были долгие годы украшением службы в Никольском, напомним, единственном тогда храме нашего города. Украшала службу пением и моя матушка Нина Ивановна, но у нее было сопрано.

Про Соню тетушки Правдолюбовы со смехом рассказывали: двоюродные малыши-ровесники Борис Архангельский и Соня Правдолюбова в саду играли вместе – и было слышно: «Пи-пи-пи», – а в ответ: «Бу-бу-бу». «Пи-пи-пи» – это Борис, а «Бу-бу-бу» – Соня.

Монастырский канонарх монахиня Серафима и ее ученица Соня создали у нас целую школу чтитц. Отзвуки ее до сих пор живут в нашем храме. Тем более что традицию (хоть и не в полной мере) поддерживает матушка Анна (с недавних пор схимонахиня Иоанна), в свои девяносто лет еще читающая на клиросе.

Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!

Когда-то в Печоры приехала группа паломников из Касимова, в ее составе были Соня, Анна и я. Я прошел в алтарь. И какой-то иеромонах очень сбивчиво и с ошибками читал утренние молитвы. Отец Иоанн (Крестьянкин) качал головой. Когда чтец пришел в алтарь, отец Иоанн сказал ему: «Что же вы, батюшка, так плохо читали? Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!» Тот в ответ: «Батюшка, простите, очки в келии забыл».

Когда он отошел, отец Иоанн сказал мне: «Очки он забыл! Должен наизусть утренние молитвы читать! Вообще, с чтением у нас не очень хорошо». И в этот же день на литургии какой-то монах идеально читал молитвы перед причащением. Я говорю: «Батюшка, вы напрасно жалуетесь. Вот какой замечательный чтец». Он ответил: «Это не наш, это преподаватель Московской духовной академии».

Постничество Сони

Невольным подвигом Сони было постничество. Ее желудок иногда – по неизвестной причине – вдруг переставал работать. В результате дурнота, тошнота и в итоге рвота с последующим обмороком. Причем при рвоте могла вылететь совершенно непереваренная пища, которую Соня ела два или даже три дня назад. С обмороками – после долгих попыток угадать, от чего они происходят, – догадались, как справляться; поняли, что обмороки были голодными. И тогда при появлении обычных симптомов, ей стали давать глюкозу, которая усваивается организмом без изменений.

Так она промучилась с шестнадцати лет до своей кончины в возрасте восьмидесяти трех лет. Хотя такие приступы были довольно редки, угроза их заставляла Соню есть крайне мало и с придирчивым разбором. Папа, исповедник Сергей, говорил, что это хорошо, позволяет без особых усилий нести подвиг девства.

Теперь о себе

Теперь о себе. Я был последним в семье, и меня – насколько это позволяли суровые условия нашей жизни – слегка баловали. И я рос изрядным лентяем и лоботрясом. Правда, в дошкольном возрасте, выучившись очень рано читать, я почти все время читал Библию и жития святых. Но читал не с мыслью: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную», – а

с любовью к процессу чтения и с любопытством. Получив учебники к новому учебному году, я их прочитывал по мере приобретения – еще летом. Поэтому в школе я уроков почти не учил.

То, что требовало трудовых усилий, мне не давалось. В начальных классах это было чистописание. И до сих пор пишу как курица лапой. Особые отношения сложились с математикой. В пятом классе арифметику нам преподавала малоквалифицированная учительница. В шестом алгебру и геометрию стала преподавать уже совсем в математике малограмотная. Я в этих классах по математике по инерции отличника получал сплошные пятерки.

Но в конце шестого класса состоялся письменный экзамен по математике, на котором я позорно провалился. И поскольку со мной вместе провалилось большинство учащихся шестых классов, нас всех перевели в седьмой и дали нам лучшего учителя математики в городе. Он сумел пройти с нами за один год курс всех трех классов – с пятого по седьмой – и привил любовь к математике. Ей, а также физике и химии, я уделял и внимание, и труд, что впоследствии позволило мне поступить на механико-математический факультет Московского государственного университета. Зачем я все это рассказываю, станет ясно чуть позже.

Как ослабели руки безбожной власти

А сейчас – эпизод, показывающий, как ослабели руки безбожной власти уже в мое время. У нас, с пятого по седьмой класс включительно, жила сиротка. Отец ее, иерей Сергей Скачков, умер в ссылке, чуть позже умерла и ее мама. После седьмого класса ее родная тетя должна была взять ее в Москву на работу, а пока (с ее подготовкой она в московской школе учиться не могла) она жила у нас и училась вместе со мной. У нее была очень хорошая память, и уроки она заучивала наизусть, не очень вникая в смысл.

И вот в курсе «История древнего мира» был параграф, состоящий из трех частей. Средняя часть кратко говорила о Христе – понятно, в каком тоне. Отвечать этот параграф учительница вызвала нашу сиротку Раю. Та слово в слово отбарабанила первую часть и вдруг перед второй остановилась, испуганно расширив глаза.

По обычаю (это было при каждой заминке в ответах) молоденькая, преподававшая первый год учительница возгласила: «Правдолюбив!» Я встал и сказал: «Это я отвечать не буду!» – «Почему?» – «Потому что не буду!» – «Почему?» Пока мы так препирались, Рая опомнилась и так же слово в слово начала декламировать третью часть, пропустив вторую. Это всех нас вывело из затруднения, и благодарная учительница поставила ей пятерку.

В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!

В десятом классе я учился в школе, каждый выпуск которой давал хотя бы одного студента университета, чем школа очень гордилась. И когда учителя узнали, что я хочу поступать на мехмат (такое самоуверенное заявление я, думаю, сделал, так как в нашем классе одна ученица собиралась в Ленинградский государственный университет и еще один ученик – в Казанский), их реакция была очень интересной.

На последнем экзамене на аттестат зрелости брать билет меня вызвали последним. Против обыкновения, ребят, сдавших экзамен, удаляли из класса. Взамен в класс приходили учителя. Собрался почти весь педколлектив! И все дружно стали уговаривать меня вступить в комсомол. Говорили: «Какая будет честь для школы, если наш выпуск даст студентов МГУ, ЛГУ и КазГУ!» А некомсомольца в университет, конечно, не пропустят. Я тоже был в этом уверен, но, чтобы не огорчать учителей, сказал: «В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!»

Интересные у вас родственники!

И, подав документы в МГУ (в которых было сказано: отец – священник, служит в Лебедяни; брат – священник, служит в Спаске Рязанской области), я ждал, на каком этапе меня не пропустят. Документы приняли, экзамены сдал – и никто мне не задал вопроса о родственниках. Прошел медкомиссию. И вот мое дело лежит на столе у председателя медкомиссии – интеллигентной московской дамы.

Просмотрев мое дело, она заметила: «Интересные у вас родственники!» Я подумал: «Вот оно». И с заготовленным задором ответил: «Да, интересные!» – «А как вы относитесь к их убеждениям?» – «Полностью разделяю!» И услышал ошеломивший меня ответ: «Ну и молодец! Идите, учитесь!» Подписала она, где надо, и отдала мне мое дело. Так я оказался – паче чаяния! – в университете.

Мне хотелось разобраться с теорией относительности

Папа напутствовал меня: «Раз поступил, учись до конца. Верующему надо быть обязательным человеком, сознающим свою ответственность». Должен сказать, что я и не думал стать священником, считая себя недостойным этого высокого сана. Поэтому и сделал отчаянную попытку поступления в МГУ.

Была у меня и затаенная мечта, толкавшая меня в университет. Мне хотелось разобраться с теорией относительности. В ней меня особенно поразила замкнутость пространства. Ведь в геометрии Евклида, которую мы целых пять лет изучали в школе, пространство открыто. До ответа я добрался лишь на четвертом курсе. Он оказался очень простым.

В том куске пространства, который доступен нашему наблюдению, обе геометрии справедливы, но только приблизительно: Евклид – первое приближение, Эйнштейн – второе. Но при распространении их законов на всю вселенную они сталкиваются в непримиримом противоречии. Отсюда вывод: наука сильна «здесь и сейчас». Расширение ее выводов на «везде и всегда» приводит к ошибкам. То есть в вопросах мировоззрения наука бессильна (об этом я написал в статье «Библия и космогония», она есть в интернете).

Этот – нашего рода

В университете я не афишировал свою религиозность, но по-прежнему на каникулах участвовал в клиросном послушании: в первый год в Лебедяни, а потом, после кончины отца, в Касимове. Московская же служба мне не нравилась, и я перебрал много храмов, прежде чем успокоился на Елохове и храме Покрова на Лыщиковой горе.

Оказалось, что это укрыло меня от московских наблюдателей за поведением студентов. Мне попала статья в газете, требующая исключения из вуза некоего старообрядца, регулярно ходившего на Рогожское кладбище, где находился духовный центр старообрядчества. Но в самом университете, видимо, люди были или верующими, или уважающими верующих и свободными от доноительства.

Уже будучи священником в Касимове, я познакомился с доцентом Мирославлевым, внуком дореволюционного настоятеля Никольского храма. Он учился на мехмате еще до войны и оканчивал его после войны. Он рассказал мне, что декан факультета профессор Голубев, увидев мои документы, сказал: «Этот – нашего рода».

Тот был протоиерей, а мой отец – просто иерей

Про Голубева он же сообщил мне интересный анекдот. Когда-то Голубев был ректором Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского. Шла очередная «чистка», и первым на комиссию был вызван ректор. Ему сразу же задали вопрос: «Кто был ваш отец?» Ответил он так: «Мой отец имел тот же сан, что и отец человека, имя которого носит наш университет, с тою только разницей, что тот был протоиерей, а мой – просто иерей». Дальше вопросов не последовало – ректор остался на месте.

Нужны заповеди Божии и Божия благодать

За все время пребывания в университете меня еще только дважды спросили о вере – и оба раза с неожиданным результатом. Первый был на первом курсе. С чего тогда начался разговор, не помню. Только точно знаю, что инициатором был не я, а мой однокурсник, болезненный мальчик. И из разговора помню озадачившие меня слова моего собеседника.

Смысл их такой: «Ваши мученики страдали за награду, а революционеры, не ожидая для себя никаких выгод ни здесь, ни после смерти, – уходя в небытие! – жертвовали собою только ради людей. Насколько же выше их подвиг по сравнению с вашими подвижниками». Сознаюсь – растерялся. Но в качестве «остроумия на лестнице» пришел ко мне такой ответ: «Откуда у революционеров могли появиться сострадание и готовность к жертвам, даже своей жизнью? Это – результат христианского воспитания многих поколений их предков».

Нравственность в человеке обладает инерцией. Пришедший к вере далеко не сразу становится высоконравственным человеком. И наоборот. Потерявший веру вовсе не обязательно становится безнравственным. Иногда для утраты нравственного облика может потребоваться несколько поколений. Практические наблюдения подтвердили это мое рассуждение (правда, потеря нравственных качеств совершается гораздо быстрее, чем мне казалось).

На принципе «максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся» ни сострадания, ни способности к самопожертвованию не воспитаешь! Нужны заповеди Божии и Божия благодать. К сожалению, я не смог высказать свои соображения оппоненту-сокурснику. Вскоре после нашего разговора он по болезни ушел из университета.

А сам-то ты верующий? – Конечно!

В последний раз вопрос о вере был мне задан уже на пятом курсе. Дело в том, что подготовку документов (анкеты, автобиографии и т. д.) осуществляли сами студенты, точнее, тройка руководителей группы: староста, профорг, комсорг. У нас все трое были девушки. Они в определенное время собирались в комнате старосты, и мы по очереди приходили к ним (на первых порах в новом здании университета каждый студент имел отдельную комнату).

У меня в анкете: «Отец – священник, скончался тогда-то, брат – священник, служит там-то». Прозвучали слова, которые я уже слышал от врача при поступлении: «Интересные у тебя родственники». – «Да, интересные». – «А сам-то ты верующий?» – «Конечно!» И тогда наш комсорг сказала: «Тебе легче жить. А тут, как подумаешь, что итогом жизни будет лопух на твоей могиле, – жить не хочется!» Я всей кожей ощутил, какой мрак в душе у неверующих людей! Но она стала говорить о том, какие безобразники ее знакомые верующие, и я, не имея, что возразить ей (откуда я знаю ее знакомых?), поспешил ретироваться.

Стояние Зои

После университета я два года работал учителем математики в школе Куйбышевской железной дороги в семидесяти километрах от Пензы. И здесь хочется отметить два факта. Первый: я был косвенным свидетелем чуда, известие о котором в народе распространилось под названием «Куйбышевская девушка», а в самиздате – «Стояние Зои».

Начну с того, что в пасхальную ночь 1955 года в храме города Пензы меня увидели две мои ученицы (конечно, и я их издали увидел). С этих пор они стали открытками поздравлять меня со всеми советскими праздниками: с 1 Мая, годовщиной Октябрьской революции, Днем Советской армии, чуть не с Днем Парижской коммуны!

В 1956 году после зимних каникул я пришел в школу. В учительской парторг читала вслух Куйбышевскую молодежную газету. Я услышал одну фразу: «Ловкие церковники выдают обычную летаргию за Божие наказание». Пришел в класс на урок – мои поздравительницы отсутствуют. Спрашиваю: «Почему их нет?» Ребята со смешком отвечают: «В Куйбышев поехали!» – «Зачем?» – «Приедут, расскажут».

Не помню откуда, может быть от домашней хозяйки, я в общих чертах услышал, что произошло в Куйбышеве. Когда мои ученицы приехали, я спросил, что они видели. Они ответили: «Да что увидишь! Частный дом, около него оцепление милиции и толпа, в которой говорят, что в доме стоит девушка, которую не могут оторвать от пола, чтобы положить на кровать».

Батюшка меня, незнакомца, назвал по имени

Второй факт определил мою дальнейшую судьбу. В газете опубликовали письмо преподавателя Саратовской духовной семинарии Евграфа Дулумана, в котором он отрекался от Бога. Потом появились аналогичные письма некоторых священников. Я понял, что начался новый нажим на Церковь, и подумал, что мне стыдно оставаться в стороне – надо идти в священники.

Чтобы убедиться в правильности моего стремления, я по совету моего бывшего настоятеля, протоиерея Михаила Введенского, поехал в Троице-Сергиеву лавру на исповедь. Она проходила в храме под Успенским собором. Исповедовали несколько священников. Я прошел к западной стене (где сейчас могила Святейшего Патриарха Алексия I). Там с одной стороны исповедовал иеромонах с вдохновенным лицом, а с другой – какой-то старичок. Почему я пошел к этому старичку, не знаю!

Спросил: «Батюшка, можно у вас поисповедаться?» – «Ну что же, исповедуйся! Как тебя зовут? Владимир, что ли?» – «Владимир!» – «Ну, кайся Господу Богу в своих согрешениях!» Я только после исповеди сообразил, что батюшка меня, незнакомца, назвал по имени. И думаю, что это он сделал, чтобы я не сомневался в правильности выбора.

Как к родному отцу

Хочу немного сказать об ослаблении системы доносительства. Когда брат Анатолий был на фронте, его жена Ольга Михайловна жила у нас. Ее вызвали в органы. Спросили: «Как вы относитесь к своему свекру?» – «Как к родному отцу», – восторженно ответила она. Поняв, что сексота из нее не получится, ее спросили еще о чем-то и отпустили, предупредив, чтобы она никому об этом разговоре не рассказывала. Она, конечно, никому, кроме семейных, и не рассказала.

Тебя ждут, но ты ничего не бойся!

Моя будущая матушка – ныне покойная Нина Ивановна – с детских лет пела на клиросе. За это на нее в техникуме, где она училась, рисовали в стенгазете карикатуры. Но однажды она пришла в техникум, и у входа (на лестнице) какой-то преподаватель взволнованно предупредил ее: «Тебя ждут, но ты ничего не бойся!» То же самое кто-то повторил в коридоре. И затем директор, сказав примерно те же слова, ввел ее в свой кабинет.

Там какой-то человек представился ей как председатель КГБ. Она спросила: «А что это такое?» Тот понял, что страху на нее нагнать не удастся, и тоже вскоре ее отпустил. Впоследствии, рассказывая мне об этом, она призналась: «Я так и не поняла – и долго не понимала! – почему все в техникуме так перепугались».

Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы

Когда я был псаломщиком, меня вызвали повесткой в паспортный стол. Оттуда проводили в кабинет КГБ. Там были двое – начальник и его помощник. У помощника лицо обыкновенное, а у начальника почему-то наводящее ужас. Как они умели такую видимость создавать? Наверное, есть какие-то особые технологии.

Меня спросили: «Как вы относитесь к советской власти?» Я ответил: «С уважением». Следующий вопрос: «Если вы заметите что-то враждебное советской власти, вы доложите об этом?» Я ответил: «На болтовню не обращаю внимания, а если увижу что-то серьезное – доложу». – «Не могли бы вы делать это на постоянной основе?» – «Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы». – «Ну, мы еще об этом поговорим, а сейчас – имейте в виду! – вы не должны говорить, где были! Скажете, что в паспортном столе (а меня вызвали во время вечернего богослужения)». Я возразил: «Если спросят, отвечу, что не могу рассказать, где был, а неправду говорить не стану». Мне говорят: «Идите».

У нас же откровение помыслов!

Больше не вызывали. Когда я рассказал об этом отцу Иоанну (Крестьянкину), он сказал: «У одного монаха было еще интереснее. Когда его предупредили, что он не должен говорить, где был, он ответил: “Да что вы! У нас же откровение помыслов! Я вечером должен буду не только рассказать, где был и что говорил, но и признаться, что я при этом думал!” Его тоже больше не беспокоили».

Мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие

Теперь два случая из школьной жизни моих детей. Так получилось, что в одном классе собрались четыре поповича: мои старшие сын и дочь, сын другого священника и дочь дьякона. Такая вот головная боль учительнице! Сын Сережа говорит мне: «Папа, нас хотят записать в октябрята, сходи к учительнице отпроси нас». Я ему отвечаю: «Сережа, это будет понято так, будто бы я вас насильно принуждаю быть верующими. А ты сам скажи учительнице, что вы не можете быть октябрятами, потому что верующие».

Он решился. Сказал учительнице: «Александра Владимировна, я должен вас огорчить: мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие». – «Сережа, какие вы верующие? Вы еще очень маленькие. Ну что тебе дала твоя вера?» – «А знаете, преподобному Сергию, когда он был мальчиком, не давалась грамота. Он помолился и стал успешно учиться». –

«Довольно, Сережа», – закончила проповедь учительница. Так все четверо – за спиной Сережи! – октябрятами не стали.

Как мои дети проводили миссионерскую работу в школе

Второй случай связан с моим самым озорным сыном Андрюшей (теперь он солидный протоиерей). Но прежде надо рассказать о двойном чуде. Было крайне засушливое лето. Из подгорной деревни Поповки пришли заказать молебен о дожде (а без просьбы верующих священники не имели права служить такой молебен).

После службы они пошли к себе, а я – в противоположную сторону, причащать на дому. Возвращаясь обратно, уже после полудня, я остановился на горке перед городом – полюбоваться им. Он расположен амфитеатром по берегу Оки, а в конце дуги, через небольшой интервал, – деревня Поповка. Город залит ярким солнечным светом, а над Поповкой и ее полями – туча и косо падающая из нее стена дождя.

И в этот, и в последующие дни на город – в том числе и на мой огород! – не упало ни капли дождя, были увлажнены только поля Поповки. Я рассказал об этом своему брату, протоиерею Анатолию, который тогда уже служил в Сынтуле.

Оказалось, что в этот же день он служил молебен о дожде по просьбе жителей деревни Алешино, расположенной верстах в семи от Сынтула. Та же картина: в Алешине дождь, в Сынтуле и окрестностях – ни капли.

И в учебный год после этого лета учительница моих сыновей сказала ребятам примерно так: «Попы служат молебен о дожде, только когда барометр покажет падение давления. Если давление не падает, молебна не служат». Андрюша тянет руку. «Что тебе?» – «А может барометр показать, что в Поповке дождь будет, а в Касимове не будет? Поповские молились о дожде – у них был дождь. В Касимове не молились – и дождя не было». Таким образом, мои дети провели миссионерскую работу в школе. Так изменились времена.

Протоиерей Владимир Правдолюбов. Проповедь в Неделю ваий. 2015 г. Никольский храм

Если сравнивать прошедшие времена с нынешними

Если сравнивать прошедшие времена с нынешними, то можно заметить следующее. Священники раньше были или воспитанниками старых духовных школ с их высоким уровнем образования, или простецами, рукоположенными по нужде, чтобы храм не оставался без службы. Молодежь была разнообразнее, чем сейчас: от готовых за Христа на муки и смерть – таких было мало – до ярых атеистов и борцов с «религиозным дурманом» – таких было еще

меньше, и они постепенно сошли на нет. Все больше становилось растерянных, верящих, что «наука доказала, что Бога нет», и в то же время в момент нужды обращавшихся к Богу с молитвой. Дошло до того, что стали спрашивать: «Кому поставить свечку, чтобы сдать экзамен по научному атеизму?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.